

1

Софи

«В общем, вникай. Если что, звони. Я на связи», — такими были последние слова Белки перед срочным отъездом в город. Новенькая кивнула, но по её виду было понятно, что никакого звонка не будет. Уже и Белки нет — да вообще никого нет! — а она всё никак глаза не поднимет и руки не успокоит. Вот точно сумку до дыры протрёт! Или что это у неё — мешок?

И чего так нервничать? Стесняется, что ли? Ну, это, моя милая, напрасно. Здесь все... как бы их назвать... хорошие, добрые, прекрасные? Может, просто нормальные? Да, нормальные люди. Ты, главное, не молчи. Молчишь — значит, всё в порядке. Значит, помощь не нужна.

Да что ж ты такая дикая?! Расслабься! Уж где-где, а на Станции точно безопасно. Ну и чего оглядываешься?

Кого испугалась? Не волнуйся, пока здесь только ты да я. Больше никого. В пересменку всегда пусто. Но имей в виду: это ненадолго. Скоро эта тишина закончится. Вот-вот Вика подойдёт. Интересно, вы уже познакомились? Судя по всему, нет. Когда кого-то знаешь, всегда легче, а ты так нахохлилась, будто десятибалльный шторм ждёшь.

Не бойся, не будет никакого шторма. Прогноз неверный. Вика здесь лучшая. Уверена, вы подружитесь. Все нормальные, а она идеальная. Я думала, таких не бывает. Не злится, не ленится, не устаёт. Правда, есть у неё один недостаток: частенько опаздывает — вот как сейчас. Но если разобраться, это такая мелочь. Время вообще непонятная вещь: то еле ползёт, то мчится.

А ты, смотрю, тоже со временем не дружишь. Тебе во сколько назначили? В двенадцать. А ты во сколько пришла? В одиннадцать сорок! Спрашивается, зачем? У Белки каждая минута расписана. Сказал в двенадцать, значит, в двенадцать и приходи. Впрочем, если бы пришла ещё раньше, то и не застала бы никого. И психовала бы ещё сильнее. Ладно, это вообще не моё дело, кто там во сколько приходит и уходит и почему.

Я вот думаю: может, тебя Белка своей неприветливостью так напугал? Да, он не Вика, улыбки от него

не дождёшься. И поболтать с ним просто так не получится. Никого к себе не подпускает. Закрытый. Прямо как ты, только от страха не трясётся. Уж его точно ничем не напугать. И, кстати, в сумки с головой не закапывается — вот что ты там потеряла? Хотя какая это сумка? Скорее мешок. И зачем такая огромная? Не понимаю!

Так. Что-то накопила. Жаль, что отсюда не видно что. Повернись, пожалуйста! Сил нет высовываться, чтобы разглядеть. Больным боком сильно не пошевелишь. Ага, сейчас получше. Спасибо. Теперь всё видно. Эх, ничего особенного: всего лишь значок с именем! Такой все волонтёры носят, особенно новички. Он бы и в карман спокойно поместился — вот зачем его в сумку? А лучше бы ещё дома на майку прикрепила — разве так не удобней? Тогда бы точно копаться в мешке не пришлось. Извини, разворчалась что-то. Настроение с утра не очень.

Прицепила? Вот и молодец, правила знаешь. Их у стажёров немного: носи значок и набирайся опыта. Больше ничего не требуется. А лучше держи в голове три слова: уважай, помогай, работай. Кто про них забывает, долго на Станции не задерживается. Белка

строгий, никого исправлять и уговаривать не будет. Желających много, каждый день кто-нибудь приходит. Вот только одни разок появились и пропали, у других — работа-домашка-экзамены, третьи испугались, четвёртые надорвались, и только пятые остались. А ты из каких будешь? Кажется, таких, как ты, здесь ещё не было.

Вот скажи, зачем в эту дырявую лодку залезла? Её не для тебя на сушу вытащили, а чтобы канаты в неё складывать. Иди в тень скорее. На такой жаре долго не протянешь. Уже неделю под тридцать! Когда такое было? Что-то не припомню. С каждым годом всё хуже и хуже. Скорей бы домой — только там спасение, только в воде. Но когда я туда вернусь? Вопрос! Белка точную дату не называет. «Посмотрим. Понаблюдаем...» — подробностей от него не дождёшься. Хотя краем уха слышала, что вроде бы как пробный спуск на следующую неделю запланирован. Но это не точно. Что ж. Деваться некуда. Буду наблюдать. Пока за новенькой.

Ну и выдержка! Уставилась в одну точку, почти не двигается. Ко мне так и не подходит. Странно. В первый раз такое вижу, обычно новички по-другому себя ведут. Но так даже лучше. Разговаривать вообще нет сил, еле дышу. Хотя грех жаловаться, сегодня

намного легче, не то что вчера. Значит, иду на поправку. Но сколько ещё? Неделя? Две? Кто бы подсказал. Ох, так тяжело, аж петь хочется.

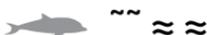

Нет, с песнями надо подождать. Пока не вытягиваю. Но ничего, вот поднакоплю сил и как запою!

Эй! Слышишь меня? Так нельзя! Ты с ума сошла? Ещё пара минут, и превратишься в варёную креветку. Эх, как там тебя? На такой жаре своё имя забудешь, не то что чужое. А, кажется, вспомнила!

«И последнее. Завтра к работе приступают стажёры. Юля и Павел. Хлопать не обязательно, мы не в театре», — сказал вчера Белка на собрании. Ещё напомнил о том, что новичков нельзя сбрасывать со скалы и кормить сырой рыбой. Это он так несмешно шутит, хотя многие улыбнулись. Но удивляться тут нечему: какой человек, такие и шутки.

Юля, Юля-а-а-а! Уходи! Сгоришь!

Вот теперь, кажется, услышала. Наконец-то вернулась. Да, пою я действительно неплохо — кого угодно расшевелю. Ну! Чего уставилась? Почему

не уходишь? Прячясь в тень, говорю! Вылезай скорее из этой — будь она неладна — лодки! Ты к ней приклеилась, что ли?

Щурится. Опять замерла. Что?! На значке — «Ульяна»? Приплыли! Что-то я совсем расклеилась. Вместо мозга медуза: «У» и «Ю» уже не различаю. Чётко же слышала: «...к работе приступает Юлия...» — то есть Юля. А оказывается, вон оно как... Уля... Не ожидала от себя. Неужели это я — за километры слышащая малейший шорох? Да уж... Но ничего, надеюсь, скоро поправлюсь. Белка — волшебник. Говорят, он и не таких оживлял. И посложнее случаи были.

Значит, Ульяна... Вот и познакомились. Только знакомство какое-то не настоящее, а на расстоянии. Здесь обычно по-другому. Все ко мне сразу подходят, некоторые даже бегут; уж в дырявых лодках никто до сегодняшнего дня не прятался. А сегодня, выходит, обойдётся без «Ой, какой хорошенький! А что с ним? Бедный, так жалко! А он выживет? А погладить можно?» — каждый раз одно и то же, ничего нового. Всхлипы жалости, вопли восторга, потом съёмка. Повезёт, если без вспышки.

Как же я всё это не люблю! А ещё терпеть не могу, когда меня называют Няшей, Няшкой — или как там?

Потому что я не Няша, я — Софи. Со-фи! Неужели табличку трудно прочитать? Но больше всего ненавижу вот это: «Смотрите, раненый, а улыбается». В эти минуты хочется изо всех сил затрещать: Господи морской! Всемогущий глубинный Всевышний! Я — не он, а она! Немолодая больная самка. Ясно? И запомните главное: я не улыбаюсь. Просто челюсть у нас, у дельфинов, весело изогнутая, вот вам и кажется, что мы весельчаки и симпатяги. На самом деле мне больно, плохо и совсем не до смеха. Меня дети ждут, отец, братья, племянники, дедушка, а я здесь застряла с зашитым брюхом.

Ох. Как бы перевернуться? Уль, может, подойдёшь, поможешь? Ладно, не надо. Потерплю, пока Вика не объявится. Вот куда она пропала? Но тут, хоть песни пой, хоть хвостом хлопай, деваться некуда — придётся ждать, потому что лучше Вики со мной никто не справится. Не считая Белки, конечно. Он здесь самый-самый. Выше него не прыгнешь. Эх, как же я давно не прыгала! Получается, почти месяц. Да, сегодня двадцатый день...

Ну наконец-то!

Вика, что ж ты так долго? Где пропадала? Я тебя у ворот высматриваю, а ты, получается, с пляжа зашла.

Купалась, что ли? Ну конечно! Волосы мокрые. И как водичка? Если честно, завидую. Я бы с удовольствием сейчас поплавала. Может, замолвишь словечко, чтобы спуск не в понедельник, а, допустим, завтра? Да я хоть сегодня домой готова вернуться.

За свежий пластырь спасибо, но, может, возиться и не стоило? Шов почти зажил. Ты лучше новенькой займись. Вон она, в лодке прячется. Видишь? Ещё немного, и расплавится. Между прочим, почти час загорает. Если что случится, то виноватой ты окажешься. Так что давай, быстро к ней!

Бежать Вике явно не хочется. А вот помахать рукой и покричать — это можно.

— Эй! Давай сюда! — надывается Вика. — Слышишь? Давай к нам!

Новенькая вздрагивает, оборачивается и, неловко выбравшись из лодки, замирает. К нам она явно не спешит. Стоит как вкопанная.

— Алё! — не унимается Вика и снова машет.

Вика, это бесполезно! Уж я пела и трещала так, что её лодка чуть с места не сдвинулась. Я из нашей стаи самая громкая. Это я в бабушку. Вот она пела так пела! Говорят, даже корабли с перепугу сталкивались. Эх, бабушка моя, бабулечка! Я всё помню, всё.

Ух, получается, я тоже кое-что могу: Уля всё-таки очнулась. И слава всем морским богам — идёт к нам! Правильно говорят: хорошая песня сильнее бури. Ну же, милая, смелее! Шаги короткие, несмелые... Перегрелась всё-таки? Или ты всегда так осторожно ходишь, будто земля тебе неродная?

Ох, наконец-то добралась! Но под шатёр почему-то не заходит — остановилась у края настила, а дальше не идёт. Не хочешь подходить? Ладно. Мне и отсюда кое-что видно. Что ж. Всё понятно. Высокая, худая, бледная, почти прозрачная. С крепкой загорелой Викой не сравнить. Сумку свою огромную из рук не выпускает. Что у неё там? Какие сокровища? Эх, нос точно сгорел. Глупая, я же предупреждала... Ладно, с меня хватит, я волноваться устала. Пусть теперь за тобой Вика следит, уж она точно справится.

Я права. Вика тянет новенькую в тень, ни на секунду не замолкая:

— Привет! Я Вика. Это Софи. Её в начале месяца прооперировали, сейчас на реабилитации. В понедельник попробуем выпустить в море. Она в рыбацких сетях запуталась. Они как сетка металлическая,

представляешь? Поранилась сильно. На животе шесть порезов, один очень глубокий, прям беда. Ещё спиной плавник был сильно стёрт. Ну это понятно: дёргалась, изо всех сил пыталась вырваться. Повезло, что сигнал вовремя поступил, чуть позже — точно бы потеряли. Кризис позади, но расслабляться рано. В любой момент всё что угодно может случиться, тем более на такой жаре. Если бы не шатёр, даже не представляю, что бы с ней было, — он здорово от солнца защищает. Раньше у нас только бассейн был. А теперь ещё и шатёр! Мы его после весеннего марафона купили. Случайно не участвовала? Короче, Софи повезло. Без тени она бы не выжила... Ну, чего молчишь? Так, прекращай! Дел куча. Давай включайся!

Вика тараторит, размахивает руками, но, кажется, новенькой моя история не очень интересна — на меня даже не взглянула. Но и Вику особо не слушает — только значок тербит, да так сильно, что ещё немного, и оторвёт. Что ж тебя так беспокоит? Отчего так волнуешься? А с рукой у тебя что? Откуда шрам на запястье? Да, я всё вижу и всё слышу. От меня не скроешься, так что можешь его не прикрывать. Выходит, мы подружки по несчастью. Только мой шрам свежий, а ты свой, как видно, давно заработала. Расскажешь как?

— Уль, нет-нет! Бейдж пока не снимай, оставь. Летом стажёров много, всех сразу не запомнить. У тебя какой график? Завтра тоже ты? Задание получила? Что Белка сказал? Белка — это тот, кто тебя встречал. Высокий такой, худой. Он здесь главный. Вообще-то он Илья, но мы его по фамилии называем. Смешная, да? А он реально на белку похож. Не заметила? Короче, он рыжий, и глаза немного сумасшедшие. Так что он сказал?..

Вика, куда ты спешишь? Помедленнее! Неразговорчивым столько вопросов задавать нельзя. А, нет. Голос у Ули, кажется, есть. Только очень тихий. Морская капуста и та громче шелестит.

— Сказал осваиваться.

— И как тебе у нас?

— Пока не знаю.

— Ясно. Всё, хватит болтать, лучше давай научу, как с Софи обращаться. Это вообще-то непросто. Ну, воду обычно парни меняют, а вот с кормёжкой должна справиться. Потом покажу, как с переноской обращаться, — вдруг на твоей смене её спуск будет. Ты свой график получила?

Новенькая не только не подошла к бассейну, но ещё и отвернулась! Ну и ну! Со мной такое впервые. В жизни никто и никогда от меня не отворачивался. Только

старший сын, когда на прогулку с незнакомой стаей не отпустила, да и то недолго — дулся пару минут и тут же забыл, он у меня отходчивый. Младший другой. Спорщик. Никогда не уступит. А дочка недаром средняя. Всегда и везде посередине. Хитрющая: и вашим и нашим. Как же я по ним скучаю!

— Уля, алё! Ты вообще живая? Что с тобой? Перегрелась, что ли? На, держи! Быстро в тень! — командует Вика, передавая новенькой свою кепку.

Если стажировка пройдёт успешно, у Ули будет такая же — голубая, с крупными белыми буквами. Впрочем, чтобы её получить, жариться на солнце и учиться переворачивать толстых дельфинов совсем не обязательно. Кепку, а также сумки, календарики и открытки — всё с надписью ДЕСТА — можно купить. А если вдруг ничего не понравится, а помочь Станции хочется, можно отправить деньги — они Станции очень нужны. Без денег трудно.

Ещё нужны люди. Ответственные и надёжные. Поэтому каждую пятницу Белка надевает свою выцветшую шляпу и, поудобнее устроившись в старом раскладном кресле, начинает перебирать полученные анкеты. Пачка не толстая, но приличная — желающих менять мир к лучшему достаточно. Но, как говорит Белка,

хотеть — одно, а делать — другое. Какие-то листы он сразу откладывает в сторону, кажется, даже не читая. В других, наоборот, изучает каждую букву. Хороший знак, если едва заметно ухмыльнётся — значит, шанс есть. Ещё лучше, если резко кивнёт: тогда точно повезло.

В прошлую пятницу он кивнул дважды. Что ж, с Ульяной познакомились. А каким окажется... Как там его? Если не ошибаюсь, Павел? Ладно, подождём Пашу. Ох, ну и жара сегодня!